

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАРТИН ПРИРОДЫ КАВКАЗА В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА И К. Л. ХЕТАГУРОВА

*Работа представлена кафедрой осетинского литературного творчества
Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Ш. Ф. Джикаев*

В жизни и творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина важное место занимала тема Кавказа с его дикой природой. В Осетии, одним из первых, кто по-настоящему оценил творчество А. С. Пушкина, был родоначальник осетинской литературы Коста Леванович Хетагуров. Коста знал, что важнейшей особенностью литературного процесса является влияние и взаимовлияние различных национальных культур, и претворил это в практику своей творческой работы. По тонкости и красочности рисунка к стихотворениям Пушкина «Кавказ», «Обвал», «На холмах Грузии» близки стихотворения Коста «Джук-тур», «Утес», «Когда прозрачной пеленою».

The theme of the Caucasus with its wild nature takes a very important place in the life and work of the great Russian poet A. Pushkin. The founder of the Ossetian literature K. Khetagurov was one of the first in the republic who acknowledged and appreciated Pushkin's contribution. K. Khetagurov knew that the influence and interrelation of different national cultures are the main peculiarities of the literal process and practiced it in his own works. A. Pushkin's poems «Caucasus», «Falling», «On Georgian hills» are close in subtlety and beauty to K. Khetagurov's ones, among which are «Dzhuk the Aurochs», «Cliff», «When a transparent veil».

Кавказ с его дикой природой издавна привлекал многочисленных путешественников, ученых, писателей, русских и иностранных, оставивших много воспоминаний, заметок, монографий о быте, культуре, языке народов Кавказа. Правда, до Пушкина мотивы о Кавказе редко и поверхностно затрагивались в русской литературе. Кавказ был тогда мало изученным краем, и «только изредка в стихотворениях М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского, Г. Р. Державина встречались упоминания о нем»¹. С 1818 г. часто бывал на Кавказе А. С. Грибоедов, восхищавшийся природой Кавказа, о чем свидетельствуют такие его произведения, как «Дележ добычи», «Грузинские ночи», «Хищники на Чегеме».

Однако «только с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний», – писал В. Г. Белинский².

Пушкин был на Кавказе дважды. Первое его путешествие состоялось в 1820 г., во время ссылки. Поездка на Кавказ произвела на поэта сильное впечатление. В 1823 г. Пушкин пишет из Тифлиса своему лицейскому другу А. А. Шмикову: «Что стихи? Куда зарыл ты свой золотой талант? Под снега ли Эльбруса, под тифлискими ли виноградными? Есть ли у тебя что-нибудь, пришли мне, – права, сердцу хочется»³.

Поэт полюбил этот край чудной природы, и кавказская тематика сразу же заняла в творчестве поэта большое место. Этому содействовала вторая поездка на Кавказ весной 1829 г. Он отправился туда со своим другом Раевским, чтобы восстановить свое здоровье. Он побывал в Горячих водах, ездил на Гору Бештау.

Эти оригинальные поездки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсем не похожая на прежнюю, «эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под южным

небом, и кругом причудливые картины гор, новые нравы, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды... – все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину»⁴.

О своих впечатлениях позднее писал и сам поэт своему младшему брату – Льву Сергеевичу: « Жалею, мой друг, что ты со мной не видал великолепную цепь Кавказских гор, ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бештау, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной»⁵. Это обстоятельное описание кавказских впечатлений с достаточной яркостью свидетельствует о том, как много новых, незабываемых картин промелькнуло перед любознательным поэтом. Пушкин необычайно правдив в описаниях картин природы и непосредственно наблюдаемых событий. Вот, например, описание встречи с турецкими племенными у Дарьяльского ущелья и самого ущелья «недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь как на мельнице... Против Дарьяла на крутой скале видны развалины крепости»⁶.

Правдивость изображения данного пейзажа доказывает краевед Г. И. Кусов в своей статье « Любимая картина Пушкина». На основе анализа многочисленных фактов, исследователь приходит также к выводу, что работа Н. Чернецова «Вид моста Дарьял на Кавказе», выполненная в 1831 г. и подаренная им Пушкину, была любимой картиной поэта, постоянно висела в его рабочем кабинете в Петербурге и помогала « творческому настроению гения русской поэзии»⁷.

Еще долгие годы после этих поездок Пушкин был полон Кавказом. Свидетельство тому: Ушаковский альбом, цикл стихотворений; черновые наброски «Странствий Онегина», публикации в «Литературной газете» и в «Северных цветах»; замы-

сел «Романа на Кавказских водах», «Тазит», «Путешествие в Арзум» и др.

Одним из первых в Осетии, кто по-настоящему оценил творчество А. С. Пушкина, был родоначальник осетинской литературы Коста Леванович Хетагуров. Коста знал, что важнейшей особенностью литературного процесса является влияние и взаимовлияние различных национальных культур, опора на лучшие достижения при создании оригинальных произведений национальной литературы и претворил это в практику своей творческой работы.

Еще в 1939 г. А. А. Фадеев, выступая на юбилейных торжествах в честь 80-летия со дня рождения великого осетинского поэта, говорил: «Коста Хетагуров, будучи истинным сыном своего народа, отражая его думы и чаяния, будучи глубоко национальным по форме, в то же время не мог бы сложиться как писатель, как поэт, таким, каким представляется нам сейчас, без той замечательной идейно- художественной переклички, которая происходит у него с лучшими людьми русского народа»⁸. Фадеев наряду с великими русскими писателями, безусловно, имел в виду и Пушкина.

В. Корзун в статье «Пушкин и Коста» отмечал, что «изучение творчества Пушкина, в котором Коста видел одного из своих поэтических наставников, раскрывало перед ним новый мир большого искусства кристальной чистоты и правдивости»⁹.

Творческая связь Коста с Пушкиным проявляется, прежде всего, в проникновенном чтении и глубоком знании им его произведений, что подтверждается не только верно подмеченным исследователями фактом частого цитирования отдельных пушкинских тем, проблем, сюжетов, названий. Так, например, в связи со ссылкой его в Херсон Хетагуров из Петербурга пишет А. Цаликовой, что «вначале он поедет в Крым, побудет там некоторое время, отдохнет под убаюкивающий плеск бахчисарайского фонтана» и что это «обстоятельство, наверное, вдохновит его написать на осе-

тинском языке лирическую поэму «Бахчисарайский фонтан»¹⁰. Что он имел в виду – перевод или новое произведение – не совсем ясно. Но как бы то ни было, он в Херсоне действительно написал свой «Бахчисарайский фонтан»- поэму «Плачущая скала».

Из основных мотивов, тем и проблем пушкинской лирики в творчестве Коста нашли прямой или опосредованный отклик и дальнейшее развитие следующие темы: любовь и дружба, вольнолюбие и патриотизм. Но особенно большое влияние оказало на Хетагурова мастерство Пушкина в изображении природы Кавказа.

Речь идет не столько о совпадении отдельных картин природы в стихотворениях Коста с пейзажными зарисовками Пушкина, сколько о близости принципов изображения. Функции пейзажа у Пушкина и у Коста многообразны: то он служит фоном, на котором разворачиваются события, то оттеняет характер лирического героя, то олицетворяется и выступает как действующее лицо. При этом пейзаж рисуется выпукло, зримо, «скульптурно». Та романтическая приподнятость, с которой это делается, объясняется небывалой красотой и величавостью кавказской природы, вызывающей восхищение поэтов.

Наиболее поразительно точное, осязаемое описание горного ландшафта Кавказа дается А.С.Пушкиным в стихотворении «Кавказ». Поэт как бы с орлиного полета обозревает природу целого края. Здесь все – снежные вершины Кавказа и плавно движущиеся тучи, шум водопадов и грохот обвалов, парение орла в лазурной высоте и щебетание птиц; в горах гнездящиеся люди и по злачным стремнинам бродящие овцы; светлая Арагва и свирепый Терек. Причем все это дается не как «каталог», перечень «красот природы». Избрав определенный угол зрения, Пушкин описывает открывающиеся его взору «географические пояса» горного края в строгой, «ступенчатой» последовательности:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Находясь в «вольной вышине», доступной только орлам, поэт опускает взор и на разных высотах замечает различные «ступени», начиная от зоны вечного льда, где тучи смиренно идут под ним, и кончая «веселыми долинами»:

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой.

Эту же ступенчатую композицию мы видим в стихотворении Коста «Джук-Тур». На первый взгляд, это стихотворение несложно по своей структуре. Тем не менее оно имеет определенную систему пространственной композиции. З. Н. Суменова отмечала, что «впечатление пространства, глубины и перспективы в широкой панораме Кавказа достигается многоплановостью изображения»¹¹.

С большим мастерством выписана по этому горная вершина, высящаяся на фоне ясного неба. Мы видим тончайшую красочную гамму. Главный тон картины создается освещением: «вечные снега в багровых лучах заходящего солнца»¹². Чтобы передать этот зрительный образ, поэт использует сложные изобразительные средства, сочетающие различные виды тропов. Здесь и уподобление вершины Эльбруса алмазной короне, сочетающееся с метафорой, передающей цветовой эффект. «Как жемчуг» горит покрытый инеем и освещенный лучами заходящего солнца тур. Очень тонко передан колорит неба: «прозрачная лазурь». Таким светлым, чистым и глубоким небо видится на большой высоте, в горах, над облаками. А беспредельный простор, открывающийся с горного утеса, вызывает даже представление о безбрежном водном пространстве, выраженное с помощью метафоры «утопает».

Охват пространства здесь возможен благодаря разнонаправленным векторам взгляда. Сначала мы видим главного персонажа этого стихотворения – Джук-Тура, затем взгляд поднимается вверх, к небу, к вершине Шата, и тут же падает вниз, к лугам и к рекам, устремляется в туманную даль:

Над ним лишь короной алмазной сверкает
В прозрачной лазури незыблемый Шат;
У ног его в дымке Кавказ утопает,
Чернеют утесы и реки шуршат...

Пушкинский пейзаж выделяется не только конкретной предметностью, но и глубоким лиризмом. Непревзойденный мастер реалистического пейзажа, он точно и верно воспроизводил зримые и слышимые стороны природы, и в то же время нередко одухотворял и олицетворял ее, превращая «мертвые предметы» в средство выражения своих мыслей и настроений, явлений общественной жизни, социальных, политических и философских идей.

С Кавказом связано также одно из прекраснейших созданий пушкинской лирики – стихотворение «Обвал». Как отмечал В. Г. Белинский «Стихотворение «Обвал» – это образец Пушкинского описания природы»¹³. В нем в гармоническом единстве слились не только «объективное» и «субъективное», правдиво-описательное и иносказательное, но и поразительная пластика и звукопись. Это яркая, представленная в динамике картина схватки стихийных сил природы – победоносное единство Терека с огромными снежными обвалами, обрушившихся на него с высоты:

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал...
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могучий вал
Остановил.

Сметающая все на своем пути стихия показана и в стихотворении Коста «Утес». Глубокий психологизм – отличительная черта этого стихотворения. Если даже здесь

нет видимого лирического героя, мы ощущаем его присутствие:

Застонали скалы, повалились ели...
Под ударом бури дрогнул великан.
Ландыши измяты, камни потускнели...
Хлынули потоки из глубоких ран.

Часто стихотворения Пушкина характеризуют внутреннее состояние лирического героя. Оно находится в согласии с окружающим пейзажем. Так в стихотворении «На холмах Грузии лежит ночная мгла» пейзаж содержит скрытое противопоставление двух начал; первый стих рисует холмы-возвышенности, поднятые к небу, второй – лежащую у ног поэта глубокую реку:

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.

Таким образом, первые строки вводят в сознание читателя образы высоты и глубины. Но более важна упомянутая в первом стихе «ночная мгла». Здесь ночная мгла создает сразу два образа – ночи и лунного света. Ночь, о которой говорит Пушкин – светлая ночь, пронизанная успокаивающим и примиряющим светом луны. Все это вместе создает картину контрастную и примиренную одновременно, широкую и спокойно-печальную.

Третий и четвертый стихи характеризуют внутреннее состояние лирического героя. Оно находится в согласии с окружающим пейзажем. Чувства, испытываемые героем – автором, противоречивы: «Грустно и легко» – это не только разные, но и трудносочетимые чувства. Объяснение их соединению дает выражение «печаль моя светла»: подобно тому, как ночная темнота, пронизанная лунным светом, делается не страшной, не враждебной, а грустной и поэтической, печаль пронизана светом:

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Подобно Пушкину, Коста тоже находил органическую связь между душевным состоянием человека и природой, глубоко чувствуя ее дыхание, ее запахи, цвета, звуки. Это вдох-

новенное понимание природы поэт выразил в следующих задушевных стихах:

Когда багровый луч заката
В свинцовых тучах догорит
И с гор полночная прохлада
Сорвет лобзания с ланит...
Тогда на грудь мою больную
Склони ты голову свою.
«Когда на тополе сребристом»

Вообще горный пейзаж занимает одно из центральных мест в системе литературных образов А. С. Пушкина и К. Л. Хетагурова. Именно в изображении картин природы они достигают того пронзительного

образного накала, который характеризует единство поэтической и изобразительной выразительности.

Анализ некоторых стихотворений Пушкина и Коста показывает, как близки были они в выборе тематики. Обоим привлекали на протяжении как ранних, так и зрелых творческих лет кавказская тема, кавказские образы и особенно – природа Кавказа. В целом ряде стихотворений обоих поэтов картины природы Кавказа близки по своим принципам изображения, многообразны и реалистичны его функции, как у А. С. Пушкина, так и у К. Л. Хетагурова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кусов Г. И.* Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А.С.Пушкина. Орджоникидзе, 1983. С. 88.

² *Белинский В. Г.* Собр. Сочинений. М., 1948. Т. 3. С. 438.

³ *Габисова С. А.* А. С. Пушкин и К. Л. Хетагуров // Осетинская филология: история и современность. Вып.3., Владикавказ, 1999. С.94.

⁴ *Сабаев С. Б.* А. С. Пушкин и К. Л. Хетагуров // Тезисы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ, 1999. С. 56.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Кусов Г. И.* Указ. соч. С. 51.

⁸ *Сабаев С. Б.* Братство народов, братство литератур. Орджоникидзе, 1965. С. 49.

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ *Суменова З. Н.* Коста Хетагуров, поэт и художник // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Владикавказ, 1993. С. 90.

¹¹ *Семенов Л. П.* Пушкин на Кавказе // Бязрова В. Т. Хранимый Кавказом, воспевший Кавказ. Владикавказ, 1999. С. 22.

¹² *Суменова З. Н.* Указ. соч. С. 22.

¹³ *Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 439.